

ГЛАВА 1

893 год, поздняя осень, Ладога

Стейн сын Бергфинна приехал в Альдейгью в самом начале зимы. И сразу получил весьма неожиданное предложение.

— Пойдешь с нами кур воровать?

— Воровать кур? — Стейн уже довольно хорошо знал словенский язык и все же подумал, что не расслышал или чего-то не понял.

К тому же он никак не ожидал, что воровать домашнюю птицу его позовет дочь местного хёвдинга. Уж ей-то зачем — своих кур полно. Вон они, под всеми лавками сидят, высунув головки. Домагость Витонежич, ладожский воевода, всегда был не беден, а в последние несколько лет, судя по обстановке дома, и вовсе разжился — появились у него и тканые ковры на бревенчатых стенах, где раньше висели только мохнатые медвежины, и кубки из белесого и зеленоватого мутного стекла на столе. Прежние глиняные сосуды, вылепленные женщинами хозяйской семьи, сменились бронзовыми кувшинами, а в кувшинах заплескался не мед

и не пиво, а настоящее греческое вино! Меха здесь никогда редкостью не были, но отделка узорного шелка и серебряные пуговицы на рубахе воеводы, пестрые стеклянные бусы на шее у дочери и жены говорили о том, что хозяин имеет выход к богатым торгам востока и юга. Еще полтора года назад, когда Стейн со своим дядей по матери, Вестмаром Лисом, приезжал сюда в последний раз, ничего этого не было.

— Ну да. Кур. Можно и петухов, но только где он не один. Я знаю, где можно брать, не промахнемся, — смеясь, заверила Велемила и потом наконец пояснила: — Это у нас обычай такой. Сварожий день сегодня¹, вечером пировать будем, а для пира полагается кур не покупать и не приносить, а красть! Понял теперь?

— Теперь понял! — Стейн усмехнулся, подумав, что и сейчас его ухитряются сделать таким же дураком с дальнего хутора, каким он был, когда три с половиной года назад впервые в жизни явился в Альдейгью. — Знамое дело, пойду! Это подвиг для истинного викинга!

— Как она выросла, твоя младшая дочь! — одобрительно заметил Вестмар хозяину. — Совсем невеста. У нее, наверное, есть жених?

— Вроде как есть... — ответил Домагость, но отвел глаза, и Вестмар догадался, что воевода не очень хочет об этом говорить.

Появилась Яромила, поставила на стол деревянное блюдо с теплыми пирогами, покрытыми вышитым рушником, приветливо улыбнулась гостю, сказала что-то — он не слышал, любуясь ее точеным лицом. Все-таки старшая дочь у хозяина редкая красавица — смотришь, и кажется, что в полутьме от нее исходит сияние. У Яромилы уже был ребенок, но она по-прежнему жила дома, только волосы теперь заплетала в две косы и укладывала вокруг головы. На ее

---

¹ Сварожий день — праздник в честь Сварога, 1 ноября.

сына, белоголового мальчика двух с чем-то лет, Вестмар бросил пару любопытных взглядов, пока мать не унесла его, но спрашивать ни о чем не стал, боясь обидеть воеводу.

— Я вижу, Домагость, в последнее время боги более чем благосклонны к тебе! — Вестмар невольно проводил Яромилу глазами. — В твоём доме прибавилось много дорогой утвари, и людей стало больше. Видимо, быть родичем конунга Кенугарда — Киу...ява... Куая...вия... тролль, не помню, как его называют эти серкландцы! Киаба?

— Кияв! — смеясь, поправил Домагость. — Или Киев. Да, с той свадьбы дела у нас в гору пошли. Уже три года меха, меды, воск по Днепру вниз отправляем в Киев, а там на разные товары меняем: платье цветное, серебро, посуду, всякое узорочье. Вино вот! — Домагость качнул бокалом из светло-зеленого стекла. Напиток был, на вкус воеводы, гораздо кислее и вообще хуже привычной медовухи, зато, если пить умеренно, наутро не так болит голова. — А в этот раз Велем, сын мой, сам поехал с товарами аж до Корсуня.

— Это где? — Вестмар с любопытством прищурился.

— Это по Днепру вниз, до Греческого моря, и по морю еще идти... не помню сколько, сам-то не бывал. Но тот Корсунь — город уже греческий. Думаем, там за наши меха еще больше всякого добра выручить можно. По весне сынок уехал. Хотел назад в одно лето обернуться, но сказал: особо не ждите, если до Сварожьей седмицы не буду — стало быть, теперь до весны...

Пока старшие были заняты деловым разговором, Велемила взяла с лавки кожух и поманила Стейна за собой. С самого утра предвкушение вечернего веселья наполняло ее воодушевлением, поэтому она особенно обрадовалась появлению новых лиц — такому неожиданному в эту пору года. Стейн в разговоре старших участия почти не принимал, только улыбался, слегка прищуривая глаза, но если его спрашивали, отвечал толково. По всему было видно,

что это человек неглупый, добродушный и не заносится из-за того, что в такие молодые годы — лет в восемнадцать-девятнадцать — успел не раз пройти по Волжскому пути до самой Булгарии. Велемила смутно помнила его по прежним годам — он уже не раз появлялся в Ладогe, сопровождая дядю, но сама она была раньше слишком мала, и едва ли они тогда сказали друг другу хоть слово. Иное дело сейчас! Во внешности Стейна ничего особенного не было: среднего роста, крепкий по виду, а лицом обычный свей — короткий прямой нос, высокий и широкий прямоугольный лоб, высокие скулы, из-за которых глубоко посаженные серые глаза кажутся узкими, светлые волосы с легким отливом в рыжину и такая же золотистая щетинка на твердом угловатом подбородке. И шапочка, вязанная костяной иглой из толстой шерстяной пряжи, очень ему шла — такие шапочки носят многие свейские мореходы.

Бегло оглянувшись на дядю и убедившись, что тому не до него, Стейн пошел за девушкой. Снаружи начало темнеть. С неба сыпались мелкие, твердые снежинки — по-словенски это называется «пороша», кстати вспомнил Стейн. Или позимка... поземка? Он хотел спросить об этом у Велемилы, но не решился — опять смеяться начнет. В присутствии такой красивой девушки любой постарался бы не выглядеть простофилей. Стейн уже видел ее раньше, но сегодня не сразу узнал. В прежние годы третья воеводская дочь была совсем девчонка, и мало кто ее замечал — все смотрели на старших сестер, Яромилу и Дивомилу, похожих друг на друга стройных красавиц с нежными лицами и пышными волосами цвета чистейшего золотистого меда. Дивомила с тех пор вышла замуж, да не за кого-нибудь, а за конунга Кенугарда — Аскольда, и уехала далеко, чуть ли не к Греческому морю. Зато Велемила за эти годы вытянулась и стала готовой невестой. Для своих пятнадцати лет это была рослая, сильная девушка. В целом она удалась в брата Велема: не только

ростом и крепким сложением, но и лицом была похожа на него, как ни одна из сестер. Такие же крупные черты, только смягченные по-женски, серые глаза, и волосы того же оттенка: темно-русые с рыжеватым отливом, густые и гладкие — толстая коса свешивалась чуть ли не до колен. Красотой Велемила уступала двум старшим сестрам, но вид имела смысленный, оживленный и веселый, к тому же держалась так бойко и уверенно, что сравнивать их никому в голову не приходило.

— Ты меня совсем не помнишь? — спросил Стейн, когда они вышли.

— Отчего же, помню! — Велемила снова засмеялась. — Я помню, как вы приехали перед тем, как Игволод Кабан Вал-город разорил. Вас с Вестмаром было двое — ты и еще другой парень. Один, я помню, был в валяной шапке, другой в вязаной. — Она бросила лукавый взгляд на вязаную шапочку на голове у Стейна. — Кажется, теперь я знаю, который из них был ты!

— А вот и нет! — со смесью грусти и лукавства опроверг ее догадки он. — Это шапка моего брата Свейна. Он погиб в той битве, когда Игвальд пришел с дружиной сюда из Валаборга. И я взял ее себе на память. С тех пор и ношу.

Велемила вздохнула:

— Да примет его с честью Перун! У меня тоже тогда брат погиб, Братоня, и из сродья еще три человека. А у тебя больше нет братьев?

— Есть еще один, он остался дома с родителями. Он, Сигурд, из нас троих самый старший. Мы выросли вместе и все время устраивали какие-нибудь безобразия. Вестмар может подтвердить. Ты понимаешь северный язык?

— Сва эр вист!¹ — Велемила лукаво сверкнула глазами, дескать, а как же! — Здорово, Пестровка! — тут же по-сло-

¹ Конечно.